

Русские повести XIX века 60-х годов. Том первый

М., ГИХЛ, 1956

OCR Бычков М. Н.

I

В молодости моей знавал я крестьянина (звали его Трифоном Афанасьевым) из соседнего со мною селца Пересветова. Мрачная доля этого человека всегда памятна мне. Я хочу теперь рассказать про его жизнь, замечательную в психологическом отношении страшным падением и внезапным высоким восстанием.

Сельцо Пересветово находится в лесном уголку одной из средних великороссийских губерний, в местности, где почва бедна и неблагодарна. В уголку этом, не лишенном, впрочем, средств для местной сельской промышленности, издавна существовал обычай отходить на сторону для заработков. Пересветовцы любили исстари свободу промыслов (или по крайней мере возможность свободно выбирать любой из них) и не отстали от этого обычая даже тогда, как в некоторых околных селениях стала успешно развиваться фабричная промышленность. С ранних лет всякий почти пересветовец покидал родное селение и свою семью, шел в далекую сторону, жил там подолгу, обыкновенно до сорока или сорока пяти лет жизни, а иногда и состаревался на стороне. Так начал и Трифон Афанасьев. На четырнадцатом году он узнал чужую сторону. Был у него в Питере родной дядя, занимавшийся биржевым извозничеством, и мать Трифона, тотчас после смерти отца его, отправила к этому дяде своего сына. Само собою разумеется, дядя пристроил племянника по своей же части.

Нелегка эта часть, как и все почти промыслы наших русских людей, добывающих себе хлеб на стороне. Не по труду нелегка, не потому, что с раннего утра до глухой полночи, а иногда с вечера и вплоть и до утра извозчик-работник в стужу и непогоду все на улице и всегда занят, но нелегка она -- по расчету за труд, потому, что работник этот в непрерывном тяжком ответе перед хозяином. Хозяину нет возможности поверять его в выручке, а поэтому он сам учитывает его кое-как и всегда произвольно. Чаше же всего он так делает: отпуская с утра работника, он наперед назначает сумму, которую тот непременно должен выездить, а если не выезжает -- вычитает из его жалованья недостачу. Обращение хозяев с работниками -- весьма тяжелое, справедливости не ищи; хозяева, считая себе постоянно обманутыми со стороны работников, и сами обманывают, притесняют их чуть не на каждом шагу; а работники, зная, что хозяева никогда не пощадят их, в свою очередь всячески стараются надуть хозяев. Круговая порука эта, допускающая только редкие исключения, не первый уже день ведется на Руси святой и от многих причин держится крепко-накрепко...

В первые годы своей жизни в Петербурге Трифон не очень много нужды вытерпел. Дядя не выпускал его из глаз своих, берег и всегда отстаивал, был к нему добр и ласков, учил усердно уму-разуму. Правда, не вся его наука могла быть кстати малому. Дядя -- хоть и отличный извозчик -- был охотник большой своровать все, что подойдет под руку, отчего нигде не уживался, и племянника, пока тот совсем в возраст не вошел, перетаскивал за собою с места на место. Однако Трифон не пошел по его следам, дурной и столь близкий пример не испортил его, -- он, напротив, спозаранку отличался удивительной честностью. Во все житие свое в Питере не взял он на душу греха воровства и обмана. Может быть, от природы были живучи и сильны в душе его семена правды; может быть, поддерживало его воспоминание об отце, старике добром и честном, с которым он прожил дома все почти годы детства; а может быть, и жалкая доля дяди вселяла в Трифона отвращение к мошенническим проделкам.

Пантелею, -- так звали его дядю, -- в частую доставалось за плутни. Не раз и в полицию его забирали, что недешево ему стоило; не раз и у хозяев подвергался он домашней тяжелой расправе; все это постоянно бывало на глазах Трифона. А когда было ему уже лет за двадцать, он увидел и бедственный конец дяди. За какую-то довольно неважную плутню строгий хозяин с работниками своими так избил провинившегося, что тот недель шесть вылежал в больнице. И жаловался он полицейским властям, только бокам его стало не легче оттого, что его обидчику пришлось поплатиться за самосуд.

Трифон сначала во всем обвинял одного дядю и даже сильно серчал на него.

"Вот, впервой, что ли, так-то? -- думал он. -- А все неймется!.. Раззарился, вишь, на чужое добро,